

С. Б. Сорочан

О строительном деле как показателе развития раннесредневековой Византии

ценка строительной деятельности в Империи ромеев IV–IX вв. как таковая никогда не была предметом специального исследования, тем более с точки зрения восприятия ее в качестве критерия, некоего своеобразного индикатора уровня развития раннесредневекового византийского общества. Традиционно и достаточно доказательно она давно представлялась в историографии как весьма развитая [см. классический труд Огюста Шуази о строительной технике Византии (147); *ср.*: 148, с. 20–27, 44–53, 58–64, 66–68; 120; 149], но вместе с тем столь же традиционно с некоторых пор стал подчеркиваться ее упадок, якобы последовавший после VI столетия вместе с упадком городской жизни и снизивший строительную активность в последующие «темные века» почти до «нулевого уровня», до точки крайнего предела запустения и бедности¹. В результате византийские города и поселения этого времени видятся некоторым исследователям заброшенными, неприятными, полуразрушенными центрами, по сути дела «полудеревней» без каких-либо перспектив строительной жизни [1, с. 5–6, 97–98, 164–165]. Так ли это было на самом деле? Посмотрим, насколько обоснованными выглядят подобные представления в свете того, что нам известно о византийском строительном ремесле той поры.

Обращает внимание, что значительная часть сырья, так или иначе, разными путями поступавшая на ромейский рынок, была связана с поставками материалов для строительства, текущего ремонта, перестройки зданий, общественных сооружений. Юлиан Аскалонит отмечал в своем трактате, что многочисленные печи по выжигу извести (*asbestou*) отличались вредным и неприятным запахом и требовали поэтому особого расположения в свободных от жилья местах [2, р. 246; IV.2.17; 3, с. 20]. Очевидно, и после VI в. не переводились специалисты этого дела. Никита Давид Пафлагон упоминал в Житии патриарха Игнатия (847–858) изготовителя или продавца извести (*asbestos*) [4, col. 512 B], причем этот термин был, что называется, на слуху, достаточно широко распространен, поскольку иногда превращался в часть имени, становясь таким вариантом ромейского «когномена» — Асбестас [5, р. 671]. Спрос на известь должен был быть тем более велик, что она использовалась не только в строительном деле, но

¹ К примеру, Э. Дзанини рассматривает кризис города VII в. и говорит о его «средневизантийском возобновлении», подразумевая цезуру неопределенного хронологического порядка, хотя в главе, посвященной вопросам материальной культуры, уделяет раздел анализу строительной техники, технологии Византии, в том числе самого «упадочного периода», не видя в этом противоречия [см.: 150]. В обобщающей монографии другого известного исследователя византийской архитектуры, Р. Острхута, сведения о строительном деле VII–VIII вв. выпадают из обзора даже тогда, когда речь идет о средневизантийском периоде, берущем начало в эти столетия [см.: 149].

и была необходима для некоторых технологических операций в иных отраслях ремесла, к примеру, для обработки кож или шелковой пряжи, тканей. Остатки позднеантичных и раннесредневековых печей для получения извести из мрамора или известняка, ям для замеса известкового раствора, пожалуй, наиболее частая находка из числа производственных сооружений, обнаруживаемых во время раскопок самых разных районов византийского Херсона в Таврике. Впрочем, подчас известь везли издалека, поскольку не всегда добывали на месте [6, с. 120]. К сожалению, печи для обжига извести специальному изучению не подвергались. Дело в том, что после окончания строительства их разрушали и нивелировали, засыпая землей. Поэтому отчеты о раскопках обычно фиксируют диаметр круглой топочной камеры, невыразительные следы каменной кладки и только.

Столь же насущно необходимым и хлопотным было устройство эргастриев по производству гипса (*gypsariou*), где гипс выжигали в печах, а после толкли в порошок [2, р. 245; IV.2.16; 3, с. 20]. Как и мел (*akte*), гипс (*gypsos*) повсеместно использовали в строительных, отделочных, лепных работах, для штукатурки, побелки, а также продавали наравне со съестным в бакалейных лавках, так как он служил добавкой в вино [7, XIII. 1; 8, с. 260]. Другой схожий материал, алебастр, не получил в Империи такого же широкого распространения, за исключением византийского Египта, где он издавна находил применение: один из греческих папирусов VI в. называет даже профессию торговца алебастром (*alabastroropoles*), более нигде не встречаемую [9, с. 28].

Гораздо шире в ранневизантийское время, вплоть до VIII–IX вв., применялся цемянковый раствор, хорошо известный с первых веков н. э., унаследованный ромеями от римлян. Он готовился из смеси извести, песка и толченой керамики, черепков-остраконов, и занимались этим специалисты — остракарии (*ostrakarious*). Очевидно, в Византии были отдельные регионы, по традиции славившиеся такими ремесленниками — профессионалами, потребность в которых, вероятно, была большей, чем в каменотесах: когда в 766 г. встала необходимость отремонтировать в Константинополе акведуки Валента, среди собранных для этого техников на 200 каменотесов пришлось 500 человек, изготавливающих цемент, причем, по словам Феофана, все они были «...из Эллады и островов» (*apo de tes Ellados kai ton nesion*), что едва ли явилось случайностью при раскладке повинности [10, р. 440. 20–22]. Цемянковый и известковый раствор были вытеснены из строительного дела не ранее X в., по крайней мере в общественном строительстве, но уже задолго до этого жилые, хозяйственные постройки стали класть исключительно на грязевом «растворе», в чем видится специфика техники кладки эпохи «темных веков», впрочем, унаследованная от более ранних времен [151, с. 144–146].

Основной материал — строительный камень простых пород, известняк, песчаник — ромеи предпочитали добывать поближе к месту строительства, в местных каменоломнях, и это дело было поставлено весьма основательно, что, впрочем, не исключало закупку на стороне, например, завоз морем из Истрии в Равенну, как это было в эпоху Юстиниана I [11, р. 120; *ср.*: 149, р. 145–150]. Гораздо реже, но все же случались не менее далекие сухопутные транспортировки. Восхищаясь роскошью дворца в Ктесифоне, Феофилакт Симокатта писал: «Говорят, что император Юстиниан доставил Хосрову, сыну Кавада, греческий камень, людей, опытных в строительстве домов, искусных мастеров в возведении крыш и выстроил Хосрову дворец так, как умеют строить ромеи» [12, с. 142; V.6.10]. Можно указать и другой пример. Инкерманский камень для постройки раннесредневековой базилики в Партените на Южный берег Таврики доставляли, очевидно, из окрестностей Херсонеса [118, с. 98].

Среди предметов импорта в византийскую Италию, а значит, и среди товаров, до начала VII в. неизменно присутствовали пропонтидский, александрийский и аттический мрамор, который затем исчез с рынка в связи со спадом здесь интенсивного строительства [13, р. 119–124; 6, с. 127]. Не оспаривая справедливости этого заключения исследователей в отношении Равеннского экзархата и Пентаполя, тем не менее не стоит распространять его на всю Византию. Если к VIII в. проконнесский (приконисский)

мрамор, прежде наиболее популярный у византийских мастеров, возможно, перестал разрабатываться или его разработки заметно сократились, то не перестали действовать другие места добычи мрамора и разных сортов декоративного камня для архитектурных деталей. Примером может служить темно-красный с белыми прожилками камень из мраморного карьера города Афродисия в Карии (Юго-Западная Анатолия), который был хорошо известен в византийскую эпоху [14, р. 69–75; 152, р. 47, 54, 58, fig. 4–5]. Другие новые мрамороломни, действительно, пока не зафиксированы археологически, но это не значит, что их не было, как полагает Р. Остерхут [149, р. 145–150]. Масштабные монументальные строительные работы в столичном Большом (Священном) дворце, пришедшиеся на правление Феофила (829–842), не знали недостатка в докиминском камне, крапчатом камне, вафинском, фессалийском, римском, пиганусийском, пестро-розовом, белом приконисском (sic!), карийском и других разноцветных мраморах отнюдь не вторичного использования [15, р. 160–165; 16, с. 62–64; III. 42–44]. К слову, по закону материалом всех ремесленников строительных специальностей обеспечивал работодатель, который, следовательно, где-то должен был закупать камень, гипс, мел, известь и прочее [7, XXII. 2].

Следует учесть также, что изменения в архитектуре, переход к строительству крестовокупольных храмов, по сути дела, центрической композиции, привели к тому, что архитектурные мраморы и известняки (капители, колонны, импосты и пр.), являвшиеся преимущественно атрибутом базилик, с VII в. перестали требоваться в прежнем количестве. Вполне хватало оставшегося из перестроенных раннесредневековых храмов, причем хватало настолько значительно, что, как свидетельствуют результаты раскопок Херсонеса, некоторые капители так и остались невостребованными, нашли место в вымостках или как вторичный строительный материал [ср.: 116, с. 76–86]. Удобнее, выгоднее было перевезти и установить в случае нужды старые колонны, причем ромейские строители — икодомы (oikodotomoi), ремесленники-практики — не разучились справляться с этой непростой технической задачей [ср.: 149, р. 128–156].

Наиболее полное представление о специалистах по обработке камня позволяют получить уникальные папирусы византийского Египта, которые перечисляют следующие профессии: *latomos*, *laxos*, *perikoptes* — каменотес, работник каменоломни; *plakopristes* — пильщик камня; *stroktor* — каменщик; *glyptes*, *glypheutes* — камнерезчик [9, с. 28]. Из оксиринхских папирусов VI в. следует, что каменотесы добывали, заготавливали камень на заказ, а также продавали его [17, № 1911, 165 (557 г.); 18, № 2206, 6 (VI в.)]. Среди них были известны мастера по изготовлению колонн (*stylopoiios*) [9, с. 28], но в целом за терминологической разногласией скрывалась единая универсальная профессия, связанная с обработкой камня. Эту же профессию (*techne lithourgon*) можно встретить в синхронных египетским эпиграфических памятниках Фракии и в более поздних нарративных источниках (*latomos*) [19, р. 453; 8, с. 249].

Оконное круглое стекло в виде фрагментов дисков диаметром от 6 до 18 см специалисты по истории византийской архитектуры считают редкими находками даже для средневизантийского периода [149, р. 150–156], хотя результаты раскопок в византийском Херсоне заставляют сомневаться и в этом: обломки оконных стеклянных дисков постоянно присутствуют здесь во всех средневековых культурных слоях, нивелировочных насыпях, хотя обнаружить целые стекла удается, действительно, редко. Их вставляли двумя рядами в рамы из дерева, реже свинца, раствора. Использовали такие рамы преимущественно в храмовом или дворцовом строительстве, но, судя по некоторым находкам в Херсоне (раскопки С. Г. Рыжова в квартале II в 1979 г.), к ним прибегали и владельцы отдельных частных усадеб.

Нужду в кровельной черепице и кирпиче покрывали мастера по изготовлению керамид, калиптер и плинф, производившие их в гончарных эргастриях смешанного характера. Сравнительно крупные, сложенные из сырца и камня печи для обжига такого рода строительной керамики имели в плане грушевидную или овальную форму

и хорошо известны в византийском Херсоне, особенно XI в., когда в городе, пережившем мощное землетрясение, развернулось обширное строительство и резко возросла нужда в подобных материалах, прежде всего, в черепице и калиптерах [см.: 168, с. 322–324, 423–430; 169, с. 102–122]. Кирпич, получивший широкое распространение в строительстве ранневизантийского периода, к этому времени стал менее востребованным. Смешанная каменно-кирпичная кладка в технике *opus mixtum* к VIII в. выходит из употребления. Стены вели преимущественно в системе двухпанцирной каменной кладки с минимальной забутовкой на известковом растворе и лишь к концу раннесредневекового периода даже в общественном строительстве стали сменять этот раствор на глиняный, земляной. В целом, византийская плинфа оставалась достаточно стабильной по размерам, колебавшимся с отклонениями до 10 % в пределах чуть более фута (32–36×3,5–5 см) [149, р.128 — 129]. Работали с ней, видимо, те же мастера — иконодомы, которые клали каменную кладку стен, крыли черепицей крыши, сооружали цистерны. Говорить о дробной специализации здесь не приходится.

Впрочем, известно что в Александрии первой половины VII в. трудились те, кого Леонтий Неапольский назвал *mepatop oikodotoi* — строители могильных памятников, гробниц, склепов, если нами правильно понят этот термин [20, р. 36, сар. 19]. Видимо, эта специальность уцелела и в последующем. Пресвитер Агнелл рассказывал в «Книге понтификов», как некие *саementarii* приводили в порядок гробницу Петра Хрисолога (432–449) и по просьбе Равеннского архиепископа-Петронакса (817–834) установили над ней новое надгробие [24, р. 315]. Устройство вырубленных в материковой скале либо выкопанных в грунте и сложенных из известняковых блоков коллективных (реже одиночных) усыпальниц — склепов, вырубных могил — продолжалось на Черной речке, Эски-Кермене, Мангупе, у подножья Баклы, в Скалистом, Лучистом, Сугдее и других местах византийской Таврике и в раннее средневековье [21, с. 40–41; 110, с. 200, рис. 82, 4; 153, с. 127–130]. В некрополе Херсона насчитывается не менее 30 вырубных склепов, которые могли быть сооружены вплоть до VIII–IX в. включительно, хотя существует мнение, что их перестали строить уже в V–VI вв. [22, с. 193; ср. 23, с. 27]. Некоторые из них вырубались заранее, иногда парами, и были только приготовлены, но не служили еще местом погребения: при плотно закрытом входе в них нет следов погребений, и, следовательно, по неизвестным причинам они остались невостребованными [154, л. 25; 122, с. 259]. Подобные ряды «катакомб» встречались при раскопках некрополя у Карантинной бухты графом А. С. Уваровым в 1953 г. и К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1888–1890 и 1905 гг. Плита затвора, бывшая на своем месте, находилась в пазах, на своем месте и не была тронута грабителями, но внутри не оказалось ни костей, ни вещей, ни даже натечной земли и возможно поэтому думать, писал К. К. Косцюшко-Валюжинич, что такие старательно оштукатуренные склепы были «приготовлены для продажи какой-нибудь «Погребальной конторой» [155, л. 31]. Склепы, судя по огромному количеству найденных в них костяков, долгое время использовали повторно, а точнее, многократно, сооружая над ними или рядом с ними надгробные памятники, подобные каменному кресту с надписью «Мнимий св. мученицы Анастасии» (VI–VII вв.), а ниши для большей вместимости закладывая со стороны погребальной камеры досками [156, с. 187–188, 194–195]. Случалось, над позднеримскими склепами вырубали новые могилы обычной прямоугольной формы [157, л. 84, склеп № 2338 и мог. № 2335]. Поскольку такие безинвентарные могилы не единичны, они указывают на существование гробничного дела и в «постсклепную эпоху». К примеру, об изготовлении гробниц в ранневизантийское время свидетельствует прямоугольная в плане вырубная могила (2,08×0,97 м и 1,06 м глубины), в одной из стен которой была сделана ниша в виде аркосолия 0,75 м ширины, 0,53 м высоты и 0,44 м глубины. В могиле лежали кости от многих остовов, и сама она была забросана землей. Очевидно, к ней относился один из двух найденных здесь же надгробных памятников из известняка. На одном был вырублен крест с расширенными концами, а на другом,

может быть, являвшемся обломком первого, уцелело несколько букв от трех строк греческой надписи «византийской эпохи» [158, с. 30, № 24; 157, л. 99–99 об.]. Изготовление надгробий не прекратилось после VI–VII вв., о чем свидетельствует каменная плита с высеченным на ней крестом и надписью «Просит о молитве за блаженного жена Антония, индикта 14, 851 года» (*ten ekklinei euchen liparou gune Antoniou, indiktionos ID, ONI etous*), что соответствует 820-м гг. херсонесской эры [159, с. 8, № IV]. Еще одна надгробная плита из известняка, уцелевшая благодаря своему вторичному использованию в качестве строительного материала, сохранила дату «июля 29-го, года 6423», что соответствует 915 г. н. э. [158, с. 29–30, № 23]. Следовательно, даже наличие солидного запаса старых склепов не останавливало кладбищенское дело. Вообще, трудно представить, чтобы строительные потребности некрополей ромеев были когда-либо оставлены без внимания и навыков профессионалов. Ведь обслуживание погребальных нужд приносило неплохой доход: могила на ранневизантийском провинциальном кладбище стоила от 1,5 до 6 солидов [170, р. 149, 173; 112, с. 284], а бывало, и в десятки раз больше.

Едва ли перевелись и профессиональные землекопы, о найме которых на поденную работу упоминал в VII в. Иоанн Мосх, отмечавший их невысокие заработки, без которых они, однако, не свели бы концов [25, сар. 134].

Строительство мостов как будто прекратилось в постюстиниановскую эпоху. Но надо учесть, что остались старые мосты, за которыми надо было следить, ремонтировать. В противном случае они не пережили бы века. К тому же стоит учесть, что профессия строителей мостов (*oi gerhuroioi*) крайне редко упоминалась и в поздневизантийских источниках, причем чаще в переносном, чем в буквальном значении [26, с. 85].

Во второй половине VI в. состоятельные люди, владельцы собственных домов могли позволить переделки языческих украшений интерьера, унаследованных не только храмами, но и богатыми жилыми усадьбами. Житие патриарха Евтихия, написанное к началу VII в. учеником святого, пресвитером Евстратием, сообщает о некоем Хрисанфе из северомалоазийской Амасии, который пожелал вместо прежней мозаики, изображавшей греховную Афродиту, выложить на втором этаже дома мозаику, посвященную Архангелу Михаилу, для чего нанял юного мастера — мозаичиста (*moysarog*) [27, col. 2336; 28, р. 19]. Последний был одновременно художником, рисовальщиком икон, что указывает на аморфность специализации и в этом деле.

Отсутствие сведений о значительном числе новых построек как будто свидетельствует в пользу вывода о длительном, серьезном упадке ромейского строительства или даже о его полном прекращении в «темные века», в чем сторонники точки зрения о свертывании городской жизни в Византии VII–IX вв. видят один из решающих аргументов в пользу своей научной концепции. При этом не принимается во внимание многое. В частности, забывается, что демографический спад населения [1, с. 328–329, 341–342] мог вызвать в большинстве городских центров VIII в. отсутствие острой потребности в сооружении новых крупных общественных построек, поскольку вполне хватало возведенных прежде зданий, как это отчетливо видно на примерах Рима V–IX вв. [29, р. 861–915] или Херсонеса (Херсона) того же времени. Но даже тогда встречаются следы строительной деятельности ромеев, затронувшей самые разные регионы и «контактные зоны» Империи.

Так З. Брашич верно заметил, что возведение базилик и церквей во второй половине VI–начале VII вв. шло рядом с гаванями или вдоль важных морских путей у побережья Адриатики, на островах, и в городах, и в сельских местечках, что позволило ему логично связать это строительство с интенсификацией мореплавания и торговли [30, р. 142]. Перед тем как далматинская Салона была окончательно заброшена во второй четверти VII в. в связи с перемещением жизнедеятельности в соседний Аспалафос (Сплит), археологи отмечают здесь следы строительной активности после 612 г. [31, р. 151–169]. Уроженец Сплита, Фома Архидиакон, написавший в XIII в. «Салонитанскую историю»

(Historia Salonitana), отметил, что переселившиеся на новое место просили у императора в Константинополе разрешения занять строения, которые они нашли в городе, а кроме того селились в оборонительных башнях Аспалафа, подвалах, и лишь богатые, то есть меньшинство, строили дома, но подчеркнем: все же строили даже в столь сложных условиях [32, сар. 10, р. 281–282; 33, р. 256, 258]. Раскопки же самого Сплита, проведенные совместной югославо-американской экспедицией в 70–80-х гг. XX в., показали, что в VIII в. на некоторых заброшенных площадях города, в частности, территории его дворца, прослеживаются следы новых сооружений, новой строительной деятельности [33, р. 255, fig. 3]. Мало того, изучение находок обработанного, декорированного камня, резных каменных плит, обнаруженных вдоль восточного побережья Адриатики, позволило Карлу Шеппарду прийти к очень важному заключению о том, что такие следы — свидетельства скорее всего церковного строительства — встречаются во всех здешних приморских центрах с V до IX вв., указывают на связь с западным побережьем — Аквилеей, Венето, Равенной, на сохранение преемственности строительного ремесла и передачу его традиций от столетия к столетию, от старых романских городов к новым славянским поселениям, таким как Ниш и Ризник [34, р. 7–16].

Можно по-разному объяснять подъем строительной активности, вновь наблюдавшийся в византийской Италии уже к началу VIII в., но он несомненно свидетельствует о стабилизации здесь провинциального профессионального строительства, даже если оно выражалось преимущественно в переделке старых зданий и сооружении небольших храмов по заказу церковных властей, к слову, располагавших собственными мастерскими по производству черепицы [6, с. 108–111, прим. 120].

Сходное положение прослеживается в Фессалонике VII в., которая отражала нападения авар, славян и все же не забывала отстраивать, украшать свои храмы [35, S. 9; 36, р. 421, 431, 433]. После сильного пожара, случившегося в 620 г. или 635 г. прославленный храм св. Димитрия (τοπ ναοῦ Demetriou) был не просто реконструирован, но, как показали исследования, сильно перестроен, хотя эта масштабная акция совпадает с порой роста военного напряжения [127, с. 105–106; 128, р. 110; 129, s. 66–67, 143–146; 130, р. 155; 37, р. 1053–1058].

Из текста указа Юстиниана II следует, что часть «собственного дохода» (ἀροφηρεσθαί κερδος) храма Св. Дмитрия Фессалоникского, получаемого с сентября 688 г. с переданной ему «всей салины» (pasan aliken), предусматривалось использовать не только для отправления священных служений и содержания клира, но и на «возобновление названного святого храма» (ἀναπεοσεοῦ τοῦ εἰρημενοῦ σεπτοῦ ναοῦ), то есть на периодические ремонты, которые, следовательно, не прекращались [123, с. 213–216]. В первой пол. VIII в. город обзавелся новым, крестовокупольным храмом Св. Софии [120, р. 205–206, 210, fig. 83, pl. 114, 116], который в несколько переделанном виде дошел до нашего времени.

Автор второго собрания Чудес Св. Димитрия, рассказывая о маршруте морской экспедиции стратига Сисинния к Фессалонике в 80-х гг. VII в., отметил давно заброшенный, очевидно, после нападения славян в 610-х гг., поросший кустами и деревьями храм на эгейском о. Скиафии (Скиатосе), расположенном в архипелаге к северу от Эвбеи [132, с. 174. 30–38, § 296]. Это послужило основанием для Поля Лемерля заявить в комментарии, что храмы вообще всех прибрежных островов Греции лежали в руинах, а сами острова, видимо, обезлюдели [38, р. 231, 237–238]. В действительности дело обстояло не совсем так. Многочисленные ранневизантийские храмы известны на Крите, Лесбосе, Делосе, Косе и других островах Архипелага, которые пополнились отчасти переселенцами, беженцами из материковой Греции [112, с. 284]. Случалось, даже на небольших островках предпринималось строительство церквей в условиях казалось бы, для этого совсем не подходящих. К примеру, храм Св. Николая, располагавшийся на крошечном, скалистом, необитаемом островке Закинфе, пережил два этапа строительства, первый из которых выразился в сооружении базилики во второй поло-

вине VII или начале VIII в., тогда как второй совпал с превращением церкви в католический монастырь уже в период господства венецианцев [39, s. 267–276]. Вообще, церковное строительство не прекращалось в Греции, на Балканах после VI в., чему имеются многочисленные подтверждения [40, s. 9 sq.].

Ряд городков, поселений был сожжен или прекратил существование в Восточной Таврике к концу VI в., очевидно, в результате тюркского разгрома или природных катаклизмов, геоэкологических изменений, к примеру, исчезновения водоносных слоев, как это случилось, по мнению Е. А. Молева, с Китеем, после чего эти центры уже не были восстановлены. Зато раскопки византийского Боспора позволили выявить здесь четыре археологических комплекса, время образования которых относится к последней трети VI—началу VII вв., один — третьей четверти VII в. и еще один — конца VII—начала VIII вв. [107, с. 18, табл. 8; ср. с. 36]. Жители не покинули даже бывший акрополь боспорской столицы, плотно застроенный в позднеантичное время, несмотря на соседство кладбища с многочисленными ямными и плитовыми могилами. Позднейшим из строительных объектов, открытых на центральном плато горы Митридат, является угол помещения, кладка которого залегала в слое, датируемом второй половиной VI—первой половиной VII вв. [160, с. 29–32]. В таманской Гермонассе — Таматархе, известно три комплекса, укладываемых во время с третьей четверти VI в. до начала VII в. и один конца VII—начала VIII вв. [107, с. 19, табл. 10]. Нет сомнений, что город жил в VIII–IX вв. [140, с. 317–371; 141, с. 59]. Следовательно, здесь то и дело строили, причем не намного меньше, чем в IV–V вв.

Около середине VI в. Прокопий писал в «Воине с готами», что Кепы и Фанагория (Фанагурис) «издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания» [136, с. 388, VIII. 5. 23. 28–29]. Неизвестно, как долго они находились в запустении. Во всяком случае, уже в конце VII–VIII вв. в боспорских Кепях, Патрее вновь велось строительство, а среди жителей было как местное, так и пришлое население [142, с. 39; 143, с. 108; 144, с. 148]. Что касается Фанагории, она не только возродилась, но и увеличилась в размерах. По данным археологических исследований, в средневековье ее граница значительно продвинулась на восток, причем территория, ранее находившаяся вне городской черты, оказалась застроенной [137, с. 221]. В начале VIII в. хаган хазар посчитал этот христианский город достойным для устройства в нем на жительство экс-императора Юстиниана Ринотмета с его женой, кровной сестрой хагана, а раскопки усадеб с домами и дворами, огражденными стенами, указывают преимущественно на черты более скромного, чем в античную эпоху, но достаточно типичного греческого быта [138, с. 39, 62–63, 155, 163; 137, с. 220; 139, с. 56–57].

То же самое наблюдалось в сердцевине имперских владений — в Малой Азии. Так, исследования портового Анемуриума в Киликии позволили установить, что он продолжал существование с позднеимперских времен, испытал недолгую персидскую оккупацию, а около середины VII в. нападение арабов, очевидно, с Кипра, но его небольшая община уцелела и даже достраивала некоторые неоконченные римские здания [41, р. 2–20; 42, р. 31–40]. Раскопки Эфеса показывают, что с VI в. строительство велось вокруг нового городского центра — огромного соборного храма Св. Иоанна, находившегося на холме Аясулук примерно в двух километрах от «старого» города, — а также на месте гигантской ранневизантийской базилики Девы Марии (длиной 265 м), в равнинной части, вблизи порта, где в начале VIII в. вместо прежнего храма была отстроена крестовокупольная церковь [113]. К этому же периоду относится сооружение оборонительных стен вокруг «нового» города на холме Аясулук, а также некоторые дома, храмы, часть оборонительных стен в Милете [114, р. 113; 115, р. 478–479]. В начале—первой половине VIII в. появились крестовокупольный храм Успения в Никее, церковь Св. Климента в Анкире, не позже этого же столетия — купольная базилика монастыря Св. Николая в Мире (Ликия) [120, р. 202–206, 210, fig. 21, 80;

рл. 113, 116]. Перечень византийских церквей из южночерноморской Амастриды (Амастры) тоже свидетельствует, что возведение, обновление храмов осуществлялось здесь с ранневизантийского периода до XIII в. [43, р. 20–21].

Не обошло оно и столицу Империи, во всем служившую образцом для провинциальных подражаний. Во всяком случае, в самом конце VII в., в правление Юстиниана II, в Константинополе еще велось весьма интенсивное строительство, в том числе общественных зданий, причем свирепый логофет геникона Феодот, подгоняя работу на государственных объектах, однажды приказал побить камнями тех ремесленников-строителей, которые оказались медлительны и нерадивы [44, с. 117]. Ремонт константинопольских церквей в 768/769 г. проводил и патриарх-иконоборец Никита I [124, р. 161]. Известно также, что в столице с VIII–IX вв. стали строить трехапсидные церкви [117, с. 187; 166, р. 156–162].

Впрочем, письменные источники дают сравнительно скудную информацию такого рода о любом периоде истории византийских городов, и в этом смысле «темные века» ничем не отличаются от предыдущих и последующих [45, с. 12]. Хронисты IV–VI вв. обходили в своих сочинениях сведения о строительстве в провинциальных городах Империи и вне их, упоминая главным образом лишь наиболее впечатляющие общественные сооружения столицы, укрепление ее оборонительных стен и башен [ср. 46, с. 49]. Если бы не официозный панегирик Прокопия, вылившийся не ранее 559–560 гг. в перечень самых масштабных работ, предпринятых в правление Юстиниана I [47, р. 129–148; 48, р. 112], нам было бы совершенно невозможно представить размах этой деятельности в соотношении с теми ее археологическими остатками, что дошли сквозь века. Между тем, Иоганн Ирмшер, специально собиравший данные о ранневизантийских ценах, вынужден был констатировать: «Цены за место и землю в городах — в основном для строительных целей — я не могу назвать. Также и о самих деньгах для строительства в исследуемый нами период времени — данные об этом отсутствуют» [49, S. 24].

Удивительно, что вполне благополучные города, такие как Оксирих первых веков н. э., тоже не знали широкомасштабного городского строительства и, судя по материалам греческих папирусов, занимались больше текущим ремонтом и реставрацией [50, с. 108, прим. 64]. Подобные «темные периоды» в строительной деятельности можно заметить и в античных центрах Северного Причерноморья во II–I вв. до н. э. и во второй половине III–IV вв. н. э. [51, с. 234], хотя никто не связывает их со «смертью города».

На фоне этих наблюдений вовсе не ничтожными выглядят те свидетельства Житий Николая Сионита (VI–VII вв.), Иоанникия (754–846), Стефана Сугдейского (VIII–первая половина IX вв.), Евфимия Нового (823–898), Германа Косинитского (IX–X вв.) и других, которые указывают на строителей византийских церквей, монастырей, модельных и жилых домов, других сооружений, возводившихся и в городах, и в деревнях [28, р. 14; 52, с. 77, 78; 53, с. 104; 54, с. 479–480; 55, с. 396]. В частности, письменные источники сообщают об опасностях, с которыми были сопряжены строительные работы, описывают случаи увечий, гибели икодомов [см.: 149]. Как и прежде, многие из них оставались ремесленниками-универсалами. Например, отец Иоанна Психаита (вторая половина VIII в.) был назван агиографом «строителем домов и храмов» [56, р. 11; 54, с. 235]. В поисках работы, единственного средства существования его самого и семьи, он переселился туда, где ее было больше, покинув ради этого область Галлатии в феме Вукеллариев, и обосновался в вифинской деревне в окрестностях Никоидии. Вероятно, спрос на строительные материалы, каменщиков и прочих профессионалов строительного дела стабильно ощущался в этом северомалоазийском регионе, если учесть, что вифинские ремесленники-строители продолжали неоднократно упоминаться в Житии Иоанникия Великого в связи с событиями начала IX в. [57, сар. 20, col. 351–352].

Та легкость, с которой в 776 г. Константин V собрал со всех концов Империи (*ek tes уро Romaion arches*) около семи тысяч технитов для восстановления столичного водопровода, свидетельствует о налаженном строительном деле с давними, прочными,

никогда не пресекавшимися традициями [58, р. 76.2]. Феофан подробно перечислил, какие и откуда были вызваны мастера: из Азии и Понта — 1000 домостроителей (oikodomous) и 200 каменотесов; из Эллады и островов — 500 «цементщиков»-остракариев; из самой Фракии — 5000 работников (oregas) и 200 гончаров. «И поставил над ними архонтов, руководителей, ergodioktas и одного из патрикиев», очевидно, из числа людей, сведущих в предпринимаемом деле [10, р. 440; 20–22; 59, с. 322]. Таким образом, текст источника подтверждает, что определенные местности славились определенными специалистами-мастерами, которые входили в соответствующие первичные кооперативные организации — строительные артели [ср.: 60, с. 36].

Едва ли последствия описанного мероприятия могут быть расценены как удар по ремесленному населению провинциальных городов [ср.: 61, с. 44], поскольку власти не собирались задерживать артельщиков после выполнения ими «царской службы», за которую к тому же, как правило, полагался кердос в размере пожалованного василевсом [ср.: 7, XIV.1].

Иногда свидетельства Никифора и Феофана используют как показатель того упадка, в котором находилось городское население, ибо акведуки Валента, разрушенный аварами во время осады Константинополя в 626 г., не реставрировался 140 лет [ср.: 62, р. 102–103]. Однако надо учесть отсутствие острой необходимости в таком восстановлении для города, численность жителей которого сократилась к середине VIII в., вероятно, раз в десять: в обычное время воды хватало и из оставшихся местных источников, колодцев-фреаров и многочисленных водосборных цистерн [1, с. 341–342]. Если бы не несколько необычайно засушливых летних месяцев, выпавших подряд, акведуки не был бы отремонтирован и в 766 г. [58, р. 75; 10, р. 440]. Однако это не значит, что для его восстановления не было технических и финансовых возможностей.

Какая-то часть городов, поселений, монастырей, небольших крепостей исчезла кое-где в VII в., кое-где в VIII в., как это видно на примере Балкан и Малой Азии [63, с. 49–50; 64, S. 176–208; 65, S. 121–124; 109, р. 81–85; 161, с. 22–27], но само собой разумеется, что оборонительные стены и башни сотен оставшихся полисов, полисм, кастра, полихнионов, кастеллиев, цивитатос, фрур и других укреплений, сооружения военного и административного характера требовали регулярных или хотя бы периодических ремонтов и перестроек, учитывая беспокойный характер эпохи, насыщенной военными кампаниями, частыми набегами — рейдами, пронизанной духом настороженного ожидания нападений. Пример типичного провинциального византийского укрепленного города Херсона, располагавшегося в важной «контактной зоне» Империи в Таврике, показывает, что его линия обороны на многих участках и отдельные объекты военно-административного характера воздвигались, подвергались перестройкам, реконструкции в IV–V вв., V–VI вв., VII–VIII вв., IX–X вв., X–XI вв. [66, с. 60–69; 67, с. 102–118; 68, с. 69–79; 69, с. 3–8; 70, с. 8–9; 71, с. 8–24; 72, с. 119–128; 73, с. 14–18, рис. 5; 110, с. 124–126, 165]. Следовательно, каждый раз для этого находили камень, известь, брусья, прочие материалы, опытных ремесленников строительных специальностей, землекопов и шли на немалые денежные траты. Даже если не принимать во внимание настойчивую, временами жизненно важную необходимость совершенствовать линию обороны города, ни одна из его крепостных куртин и башен не была способна служить без ремонта дольше 40–50 лет. К этому можно добавить масштабное строительство укрепленных пунктов, фортификационных сооружений («больших стен», кастра, фрур) в Юго-Западном Крыму, которое требовало трат, внушающих уважение, и особенно активно велось во второй половине VI–VII вв. с помощью местных сил союзников — энспондов (enspondoi), федератов Империи [74, с. 16–22; 107, с. 35, 37]. Таким образом, прекращение военного строительства в одних местах компенсировалось его ведением в других [ср.: 6, с. 109; 161, с. 25].

Нынешние знания о христианских базиликальных храмах Таврики позволяют прийти к выводу, что очередной, после второй половины VI–начала VII вв., «строительный бум», связанный с их сооружением, пришелся на конец «темных веков» — вторую

половину VIII—первую половину IX столетий². Его можно объяснить двумя основными обстоятельствами: ранее построенные храмы за 150–200 лет функционирования отчасти обветшали, их размеры не удовлетворяли увеличившемуся числу прихожан. Между тем, во второй половине VIII в. в Таврике наблюдался демографический подъем, значительный приток протоболгарского населения салтово-маяцкого круга, что неминуемо потребовало от византийских церковных и светских властей активизации миссионерских усилий по христианизации — важнейшего проводника ромейского влияния среди местного населения Таврики, все еще отличавшегося религиозным невежеством [ср.: 126].

Скепсис в отношении утверждения о прекращении строительства в византийских городах в «темные века» имеет тем большие основания, если вспомнить, что именно в это время (а точнее, с первой половины VI в. до середины IX в.) и прежде всего в городах складывались основные структурные элементы византийского искусства и церковной общественной архитектуры, что уже само по себе показательное, ибо развитие было бы невозможно без конкретного воплощения в камне [75; 112, с. 262–267]. К IX в. в Южной Италии, Македонии, Каппадокии, на Кипре предстают особенно яркие примеры не прекращавшегося культового строительства, включая даже такую форму, как баптистерии, сооружение которых не прекратилось после VI–VII в. [76, с. 18 сл.; 77; 119, р. 59–88; 163, р. 24–25, 80]

Несомненно, происходили изменения в планировке городов, некоторые улицы меняли свое расположение, становились более неупорядоченными. Кроме закономерных, необходимых и отнюдь не тотальных перестроек эта хаотичность объясняется еще и тем, что в средневековом традиционном городском строительстве в качестве основного элемента выступал дом, здание, а не улица [1, с. 165–170; ср. 146, с. 156]. Этим «домом» в разной мере могли быть базилики, храмы, церкви, мартирии, молитвенные дома, капеллы, усадьбы. Изменения постигли и архитектурную планировку церквей, ставших главным видом общественных зданий. Большие императорские и епископские базилики уступали место частным и монастырским крестовидным, а затем крестовокупольным храмам; последние в VIII–IX вв. стали уменьшаться в размерах, в них, как правило, исчезает амвон, вокруг которого прежде разворачивалась первая часть Литургии; служение сосредотачивается в восточной и центральной части храма, в соответствии с уменьшением числа клириков в церкви уменьшается высота синтрона, изменяется стиль церковной живописи, больше не строят предхрамовые дворы — атриумы или аулы, ограничиваясь узкими, невысокими нартексами, отдельные здания баптистериев заменяют стационарными или портативными купелями в самих храмах, в их приделах или в боковом нефе, нартексе; икономы-практики, пришедшие на смену античным «механикам», обходятся без проектных и рабочих чертежей, в лучшем случае рисунками, схемами, которые воплощают на месте с помощью землемерных приемов, предварительной разбивки на строительной площадке мерными веревками с узлами, металлическими кольцами, рейками с засечками, проектирование ведется параллельно с достройками, перестройками, изменениями первоначального замысла [121, с. 38, 70; 78; 79, с. 163–181; 80, с. 68–70; 81, р. 422–426; 96, с. 249–257; 149, р. 7–38, 86–127]. Но, спрашивается, почему все эти метаморфозы надо рассматривать как проявления упадка, а не эволюции, и не видеть в них поиск новых архитектурных, технологических, «дизайнерских» решений, отражавших изменения общественного развития и менталитета?

² Именно тогда были воздвигнуты новые крупные базилики со сводчатым перекрытием на Эски-Кермене, Мангупе, в долине р. Бельбек, у подножья горы Пампук-Кая, в Бакле, Партените, на Тепсене, около с. Планерское и в ряде других мест [см.: 125, с. 293–294; там же библиография вопроса]. В частности, в Житии Иоанна Готского (ум. 790/791 г.) подчеркивается, что заслугой епископа стало строительство в портовом местечке — эмпории в Парфенитах монастыря Св. Апостолов, который преподобный снабдил всевозможными «благ. лепными сооружениями» (eukosmias ktiseos) [162, с. 398, 420–422, гл. 6].

В VII–IX вв. даже продолжалась деятельность некоторых скульптурных мастерских, осуществлялась резба по камню и наблюдалась трансформация скульптурного, рельефного, живописного декора [82, р. 169–223; 83, с. 4 сл.; 84, с. 103 сл.; 85, р. 321–337]. В византийском Херсоне все постройки с мозаичными полами, ранее относимые к V–VI вв., как показало изучение О. И. Домбровским их стилиа вкупе с сопутствующим археологическим материалом, в действительности оказались разновременными и отчасти датируются более поздним временем [86, с. 40–41]. Вообще, качество мозаик VII–VIII вв., как это видно на примере немногочисленных сохранившихся памятников, уступало знаменитым мозаичным панно эпохи Юстиниана, но важно, что это был не абсолютный упадок и что способы изготовления мозаик и приемы работы византийских мозаичистов, смальтоваров до X в. остались прежними [87, с. 61–66; 88, с. 17–33].

Видимо, стоит настаивать на необходимости методически правильной для византийской археологии интерпретации стратиграфии культурных слоев [45, с. 11–12; 89, с. 33–41; 108, с. 178–183; ср. 90, с. 42–44, табл.]. Весьма своевременное принятие этой принципиально важной поправки может стать главным аргументом в споре о судьбе византийского города в «темные века», ибо продолжительное отсутствие смены культурных напластований служит показателем стабильности существования зданий и фундаментальности, надежности, прочности сооруженных построек, которые долгое время не разрушались и не нуждались в капитальных перестройках. Действительно, слой жизнедеятельности, образовавшийся в самом процессе бытования зданий, как правило, бывает трудно зафиксировать археологически, поскольку в нормально функционировавших домах накапливавшийся мусор постоянно удалялся обитателями. В свою очередь каждое новое строительство вызывало разрушение, и как следствие — уменьшение находок в нижележащих культурных слоях и комплексах, создавая у исследователей впечатление «археологической лакуны», порождавшее в свою очередь представления о перерывах в развитии раннесредневекового византийского города.

Между тем, обращает внимание, что со второй половины VIII в. свидетельства источников становятся еще более определенными. Около 755 г. Константин V повелел начать строительство городов-крепостей (*polis, polismata*) во Фракии, куда были определены на жительство переселенцы с восточных окраин Малой Азии [58, р. 66.11–21; ср. 10, р. 429. 19–30]. В 784 г. василисса Ирина приказала отстроить (*oikodomethenai*) фракийские Верою (Иринуполь) и Анхиал [10, р. 457. 8–11; 59, с. 335], а ее преемник Никифор I в 805–806 гг. «...озаботился тем, чтобы восстановить (*anakainisai*) ...города и отстроить церкви» в Пелопоннесе, в частности «возвел от основания» (*apokodomese*) такие важные центры, как Патра, Лакедемон (Спарту) с их «святыми церквями Божиими», а также Анкиру и некоторые другие кастра в Малой Азии [10, р. 481; 59, с. 354; 91, с. 330, 331]. Восстановлением многих городов во Фракии и Македонии занимался в начале своего правления Лев V Армянин (813–820), по приказу которого отстраивали также новые города-крепости, способные выдержать нападения болгар [5, р. 30]. Довольно значительное строительство проходило в Константинополе, Фессалониках, Коринфе, Афинах и Амории с начала IX в. и особенно в правление Феофила, уделявшего архитектуре много внимания [61, с. 41; 167, с. 764]. Примечательно, что спустя несколько десятков лет некоторые города обновлялись повторно, как это было, например, с анатолийской Анкирой и вифинской Никеей в правление Михаила III (842–867) [92, р. 51–52; 135, р. 11–12]. В ход шли старые постройки, эллинские святилища, которые разбирали для новых сооружений, причем делали это довольно долго, вплоть до X в., пока было что использовать. К примеру, Продолжатель Феофана сообщал, что василевс Феофил брал материал из древнего святилища Сатира на строительство загородного Врийского дворца, а патриарх Игнатий Грамматик использовал тот же материал для сооружения монастыря Св. Михаила (монастыря Сатира) [16, с. 13; 1.10].

Показательно, что во второй четверти IX в. Константинополь переживал грандиозное дворцовое строительство, особенно наглядно воплотившееся в роскошном

императорском архитектурном комплексе. Одновременно восстанавливали и наращивали оборонительные стены города, в частности, вдоль залива Керас и бухты Вуколеон, сооружали государственные странноприимные дома, обновление и основание которых особенно активно пошло со времени правления василиссы Ирины [16, с. 44–45; III. 8; подр. см.: 151, с. 256–257]. Около 841–842 г. зять Феофила, кесарь Алексей Муселе, желая обессмертить свое имя, был занят строительством красивых зданий в районе Анфемия, которым был придан монастырский облик [16, с. 51; III. 18]. Очевидно, доставало иконодотов, прочих мастеров и средств, чтобы перестраивать старые и строить новые дворцы с позолоченными крышами, краплеными золотом колоннами, роскошными воротами и дверями из серебра и полированной меди, богато отделывать их разноцветным камнем, мрамором, росписью, мозаиками. Даже и без того великолепные залы, Лавсиакий и Триклиний Юстиниана, были украшены новым декором, в зале частично перестроенного и расширенного дворца Магнавры установили невиданный золотой платан, трон, органы, а в галерее Сигмы — фонтаны в виде львов [16, с. 62–64; III. 42–44; 93, с. 90 сл.; с. 378, 380]. По подсчетам Варрена Тредголда, было потрачено не менее 10 млн номисм, то есть примерно по миллиону в течение 12 лет правления Феофила [94, р. 85]. Последующие три столетия не превысили этот уровень «классических темных веков» даже по числу крупных столичных построек, которые долго служили объектом восхищения со стороны иноземцев и являлись гордостью Империи [95, с. 151].

Для провинциальных центров такие постройки, разумеется, были невозможны, да и не нужны. Здесь основным видом общественных зданий, подвергавшихся в соответствии с особенностями формы долгосрочного византийского проектирования, периодическим перестройкам, изменениям, обновлениям, большим и малым реставрациям, оставались базилики, крестовые и крестовокупольные храмы, капеллы, мельницы, мартирии, часовни, культовые здания центрικής композиции. Свидетельства такого рода то и дело встречаются в источниках. Скажем, крупный вифинский монастырь мог позволить себе строительство большой церкви, и не одной, да еще в самый разгар иконоборческих гонений при Константине V, накануне синода 754 г., если верить Житию Св. Анфусы из Мантиней [97, col. 849]. Составитель Жития Стефана Сугдейского, сам житель Сугдеи, отмечал, что, когда народ собирался послушать проповедь епископа, все ремесленники оставляли свои занятия, а «городские строители свои строения» [133, с. 396]. В данном случае этот агиографический штамп не противоречит археологическому материалу. Известно, что усиленное византийское строительство велось в VIII в. даже на окраинах Судакской долины, то есть в пределах Сугдейской епархии [134, с. 47, 55]. Приписка на полях Сугдейского синаксаря упоминает об обновлении (та еγκαινία) кафедральной церкви города — Св. Софии, «храма святого Бога Слова Премудрости в городе Сугдее в 6301 (792/793 г.)» (agias ou logu sophias polei sougdaia) [164, с. 615, № 135].

Продолжатель Феофана сообщает, что в честь мятежника Вардана Турка, провозглашенного василевсом летом 803 г., был «построен и возведен храм», причем весьма споро, так как Вардан поднял восстание 19 июля, а уже 8 сентября покинул свое войско [5, р. 10; 16, с. 8; I.3]. Следовательно, храм в одной из малоазийских фем был сооружен немногим более чем за месяц, и понятно, что возвели его местные опытные, вполне квалифицированные иконодоты, те самые «строители домов и храмов», для которых такие сооружения были не в новинку.

Даже на беспоконной Эгине, тревожимой нападениями арабов (мавров), во второй четверти IX в. оказались выстроены три церкви, за возведением которых присматривала св. Афанасия, основательница местного женского монастыря [98, col. 172; 99, р. 218]. Возможно, свидетельство Жития Константи Грузина о «возрождении островов» при императрице Феодоре (829–856) не столь уж преувеличено провизантийски настроенным агиографом [111], тем более, что перелом в борьбе за преобладание на Средиземном море в целом был достигнут к тому времени не в пользу «агарян».

С письменными источниками не расходятся данные археологии, хотя раскопки не ведутся достаточно широкомасштабно. Тем не менее, базиликальный храм иконоборческого периода открыт в Кимере близ Анталии [165, р. 76–82]. В IX в. на побережье Ликии в Дере — Ахеи тоже была возведена громадная трехнефная купольная базилика со стенами, сложенными в исчезавшей к этому времени технике *opus mixtum* [120, р. 201–202, 204, 208, fig. 79, pl. 111, 112]. В 812 г. была реконструирована другая ликийская, еще более древняя, базилика в Аладж-Кизле [100, с. 180]. Подобное же мы могли бы видеть в Трапезунде, где над входом в церковь Св. Анны, построенную не ранее VI–VII вв., на южном фасаде находилась плита с надписью: «Возобновлен храм Св. Анны при Василии, Льве и Александре, когда стратигом был Алексей, а возобновил храм Аспаст в 6393 году» (884/885 г.) [101, с. 48]. Примечательно, что между двумя капитальными ремонтами прошло около 15 лет — очевидно, тот усредненный срок, соблюдению которого следовали при обновлении большинства усердно посещаемых храмов.

Общественное, культовое строительство продолжало идти в крымской Сугдее, на что указывают остатки крупного известнякового карниза с плохо сохранившейся греческой надписью, шрифт которой сравним с надписью 870–880-х гг. из западнопонтийской Месемврии [131, с. 177–178, № 4]. Возведенные в портовом районе византийского Боспора храм просусцевал с VI в. по меньшей мере до второй половины VIII в., на что, в частности, указывает колонна с известной эпитафией 757 г. христианина Кириака, сына Георгия (Κυρ(ι)ακος υιος Georgiou) [145, с. 93–95]. Очевидно, нужда в обновлении храма обнаружилась только к концу IX в., когда над его остатками была сооружена церковь Иоанна Предтечи, ранее относимая исследователями к первой половине VIII в. [103, с. 350–356, 382–391; ср. 104, с. 87–105].

Без церковного строительства, нередко ведшегося на собранные самими прихожанами, ктиторами, средства, не мыслилась жизнь любого христианского города и его прославление, в чем, возможно, улавливается отзвук былого полисного патриотизма [105, с. 68]. Константин Багрянородный отмечал, что его дед, Василий I, не только строил и восстанавливал церковные храмы, но и «...что нужно достроил» [5, р. 321; 16, с. 134–135; V. 78]. Значит, строительство таких церквей было начато и велось до того, как он вступил на трон в 867 г., а расходы на них покрывались не только за счет сбрасывавшихся в складчину частных ктиторов, членов приходских общин или благотворительности, но отчасти и из государственной казны. Кроме того, церкви возводились стараниями и на пожертвования отдельных представителей чиновной, служилой знати. Так, в 871 г. в Афинах храм св. Иоанна был возведен на средства фемного офицера — друнгария; в 872 г. некий кандидат отстроил церковь Св. Григория в греческих Фивах; в 874 г. протоспафарием был сооружен храм в одном из местечек в Беотии [106, р. 122].

В IX в. даже проверка прямых углов являлась проблемой, правильное решение которой удавалось далеко не всем икодомам [с.м.: 149, р. 58–85]. Тем не менее, ромеи знали особые, практические приемы строительства, даже использовали какие-то машины, видимо, действовавшие по принципу рычага, с помощью которых удавалось передвигать особенно тяжелые камни, что опять-таки свидетельствует о развитом уровне строительного дела. В Житии Евстратия описывается, как однажды святой велел монахам перетянуть огромную плиту с одного места на другое. «В течение 30 часов, — отмечает агиограф, — братья мучились и безуспешно. Тогда святой, взяв в руки веревку, произнес обыкновенный стих, и камень *посредством машины* (выделено мной — С. С.) был легко перемещен к монастырю» [97, col. 380–383; 52, с. 101].

Примечательно, что среди эрголабов, то есть тех, кто брал на себя выполнение ручных работ, Книга Эпарха называла прежде всего лиц строительной специальности («тех, кто возводит стены, внутренние арки или камары»), мраморщиков (*μαρμαροί*),

лепщиков по гипсу (gypsoplastai), маляров — «художников» (zographoi) [7, XXII (titul). 1.4]. Сухой, «законодательный» стиль источника не в силах скрыть того очевидного обстоятельства, что ремесленники этих «свободных профессий» располагали опытом, секретами мастерства, передававшимися из поколения в поколение, чувствовали себя весьма независимо, могли наниматься по желанию сразу к нескольким работодателям, самовольно оставлять работу, то есть не испытывали недостатка в заказах [7, XXII.2.3]. Подобные, но гораздо более живые примеры (по сути дела, жанровые сценки) донесла и агиография, отразившая события IX в. Когда Герман, игумен известного Косинитского монастыря, не смог расплатиться с нанятой им артелью иконодочников, возводивших «домовую» церковь, те подвергли его оскорблениям и, нимало не смущаясь, повели для разбирательства в город, к архонтам, причем представители власти не возмущались волнению, не стали искать и карать зачинщиков, как можно было бы ожидать, а без проволочек оплатили долг рабочим [54, с. 480]. Удивительное проявление уважения к труду, очевидно, не случайно обнаруживаемое именно в отношении ремесленников-строителей, руками которых сооружались и ремонтировались многочисленные византийские городки — полисмы, крепости — кастра, кастеллии, фруры, оборонительные стены — тейхи, башни — пирги, храмы — иеры, неосы, темены, цистерны, колодцы — фреары, портики, бани — лутры, валания, жилые усадьбы и прочие постройки, коим несть числа. Призрачный отзвук их былого существования все время идет из строк письменных источников, а материальные следы, пусть и слабые, улавливаются в глубине археологических раскопов. Поэтому, если определенное сокращение строительной активности, а также связанного с ним производства, добычи стройматериалов и имело место в Империи ромеев в VII–IX вв., оно не могло быть весьма существенным, повсеместным и, самое главное, необратимым, каким неминуемо стало бы в случае значительного упадка строительства. Этот критерий никак не годится для подтверждения представлений о глубоком кризисе городской жизни и дезурбанизации Византии эпохи «темных веков». Перестройки, случавшиеся полные обновления следовали циклам, подчиненным не неким «упадкам», а самой живой практике эксплуатации общественных зданий и жилых усадеб, согласно которой от начала до конца существования постройки проходило примерно два столетия (плюс-минус 50 лет). Изменения же, отражаемые строительным делом, несли новые черты, свойственные средневековью, и «флёр упадничества» в них был не большим, чем в любой другой переходный период развития любого общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. — Х., 1998.
2. *Constantini* Harmenopuli Manuale legum sive Hexabiblon/Ed. G. Heimbach. — Lipsiae, 1851.
3. Сюзюмов М. Я. О трактате Юлиана Аскалонита//АДСВ. — 1960. — Вып. 1.
4. *Nicetae* Byzantinae Vita Sti Ignatii//PG. — 1864. — Т. 105.
5. *Theopbanes* Continuatus. Ioannis Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus et rec. I. Bekkeri. — Bonnæ, 1838.
6. Бородин О. Р. Византийская Италия в VI–VIII веках. — Барнаул, 1991.
7. *Византийская книга Эпарха*/Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. — М., 1962.
8. *Истрин* В. М. Хроника Георгия Амартола. — Л., 1930. — Т. 3.
9. *Фихман* И. Ф. Египет на рубеже двух эпох. — М., 1965.
10. *Theopbanis* Chronographia/Rec. C. De Boor. — Lipsiae, 1883. — Vol. 1.
11. *Guiliani* M. C. Ravenna. Ricerche di geografia urbana//Annali di ricerche e studi di geographia. — Ser. 14. — Genova, 1958. — № 2.
12. *Феофилакт Симокатта*. История: Пер. С. П. Кондратьева. — М., 1996.

13. *Ward-Perkins J. B.* Il commercio dei sarcofagi in marmo fra Grecia e l'Italia Meridionale//Atti di Congresso internazionale di archeologia dell'Italia Settentrionale (Torino 21-24 giugno 1961). — Torino, 1963.
14. *Dworakowska A.* Lithos Karikos//Archeologica. — (1985) 1987. — Т. 35.
15. *Mango C.* The Art of the Byzantine Empire 312-1453. Source and Documents of the History of Art. — New Jersey, 1972.
16. *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей/Изд. Я. Н. Любарский. — СПб., 1992.
17. *The Oxyrhynchus Papyrus.* — London, 1924. — P. 16.
18. *The Oxyrhynchus Papyrus.* — London, 1941. — P. 18.
19. *Asdrache C.* L'apport du temoignage epigraphique a l'histoire medievale de la Thrace //Byzantino-bulgarica. — 1981. — Т. 7.
20. *Leontios von Neapolis.* Leben des heiligen Iohannes des Barmherzigen Erzbischofs von Alexandrion/Hrsgb. von H. Gelzer. — Freiburg in B.; Leipzig, 1893.
21. *Амброз А. К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв.//МАИЭТ. — (1994) 1995. — Вып. 4.
22. *Айбабин А. И.* Этническая принадлежность могильников Крыма IV-первой половины VII вв. н. э.//Материалы к этнической истории Крыма. — К., 1987.
23. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н. э. — К., 1982
24. *Agnellique et Andreas Liber Pontificalis ... Ecclesiae Ravennatis//Scriptores rerum langobardicarum et italicarum.* — Hannoverae, 1878.
25. *Ioannos Moschos Pratum spirituale//PG.* — Turnhout, 1976. — Т. 87.
26. *Сметанин В. А.* Византийское общество XIII-XV вв. по данным эпистографии. — Свердловск, 1987.
27. *Eustratii presbiteri Vita Eutichii, patrarchi Constantinopolitarum//PG.* — Turnhout, 1976. — Т. 86 А.
28. *Magoulias H. J.* Trades and Crafts in the VI and VII Centuries as Viewed in the Lives of the Saints//Byzantinoslavica. — 1976. — Т. 37. — F. 1.
29. *Reekmans L.* L'implantation monumentale chretienne dans le paysage urbain de Rome de 300 a 850//Actes du XIe congres international d'archeologie chretienne (21-28 september 1986). — Rome, 1989.
30. *Brusić Z.* Anticka Luka u Polacama na otoku Mljetu//Arheoloska istazivanja u Dubrovniku i dubrovackom podrucju. — Zagreb, 1988.
31. *Nikolajević I.* Salona christiana u VI i VII veku//Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku. — 1979. — № 72-73.
32. *Sisić F.* Povijest Hrvata. — Zagreb, 1925.
33. *McNally S.* Split in the Byzantine Empire: the Archaeological Evidence//Acts XVIII th Intrn. Congress of Byzantine Studies: selected papers, main and communications, Moscow, 1991. — Shepherdstown, 1996. — Vol. 2.
34. *Sheppard C.* Pre-Romanesque Sculpture: Evidence for the Cultural Evolution of the People of the Dalmatian Coast//Gesta. — 1984. — Т. 23.
35. *Angelov D.* Die bulgarischen Slawen und die Nomaden (VI-XII. Jh.). Nach Angaben von schriftlichen Quellen//Плиска-Преслав. — 1981. — Т. 3.
36. *Laurent J.* Sur la date des Eglises St. Demetrius et St. Sophie a Thessalonique //Byzantinische Zeitschrift. — 1895. — Bd. 4. — Heft 3-4.
37. *Bakirtzis Ch.* «...Barbaron klydona barbaron stolon...»//Byzantina. — 1985. — Т. 13.
38. *Lemerle P.* Les plus anciens Recueils des Miracles de Saint Demetrius et la penetration des Slaves dans les Balkans. — Paris, 1979. — Т. 1. Le Texte.
39. *Stoufi-Poulimenou I.* O Agios Nikolaos sto nesi, ste Zakyntho: mia athnoste palaiochristianike basilike//Deltion tes Chist. Archaiol. Etaireias. — 1987-1988. — D, 14.
40. *Gioles N.* Byzantine naodomia (600 — 1204). — Athenes, 1987.

41. *Russel J.* Anemurium: eine römische Kleinstadt in Kleinasien//Antik Welt. — 1976. — Bd. 7. — H. 4.
42. *Russel J.* Anemurium: The Changing Face of Roman City//Archaeology. — 1980. — Vol. 33/5.
43. *Hill J.* Survey of Amastra//Anatolian Studies. — 1991. — Vol. 41.
44. *Дашков С. Б.* Императоры Византии. — М., 1997.
45. *Романчук А. И.* Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города//Античный и средневековый город/Тезисы докл. VII науч. Сюзюмовских чтений. — Екатеринбург, 1994.
46. *Козлов А. С.* Комит Марцеллин о позднеантичном городе//Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып. 26). — Барнаул, 1992.
47. *Whitby L. M.* Justinian's Bridge over the Sangarius and the Date of Procopius 'De Aedificiis//Journal of Hellenik Studies. — 1985. — Vol. 105.
48. *Cameron A.* Procopius and the Sixth Century. — London; Berkeley; Los Angeles, 1985.
49. *Irmischer I.* Einiges über Preise und Löhne im frühen Byzanz//Studien zum 8. und 9. Jahrhundert in Byzanz. — Berlin, 1983.
50. *Фихман И. Ф.* Оксиринх — город папирусов. — М., 1976.
51. *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. — К., 1993.
52. *Лопарев Хр. М.* Византийские жития святых VIII–IX вв.//ВВ. — 1913. — Т. 18. — Вып. 1–4.
53. *Лопарев Хр. М.* Византийские жития святых VIII–IX вв.//ВВ. — 1915. — Т. 19. — Вып. 1–2.
54. *Лопарев Хр. М.* Греческие жития святых VIII и IX веков. — Пг., 1914.
55. *Васильевский В. Г.* Житие Стефана Сурожского//ЖМНП. — 1889. — Ч. 263. — № 5–6.
56. *Van der Ven P.* La vie grecque de S. Jean le Psichaité//Museum. N. S. — 1902. — Т. 3.
57. *Acta Sti Ioannicii monachi in Bithynia ediuit I//Van den Gheyn S. J.* Hagiographus Bollandianus, Acta Sanctorum Novembris. T. II. Pt. 1. — Bruxellis, 1894.
58. *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica/Ed. C. de Boor.* Accedit Ignatii Diaconi Vita Nicephori. — Leipzig, 1880.
59. *Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта:* Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского. — М., 1884.
60. *Сорочан С. Б.* Типология торговельно-ремесничих асоціацій Византиї VII–IX ст. //Археологія. — 1995. — № 1.
61. *Сюзюмов М. Я.* Византийский город (середина VII–середина IX в.)//ВВ. — 1967. — Т. 27.
62. *Teall J. L.* The Grain Supply of the Byzantine Empire, 330–1025//DOP. — 1959. — № 13.
63. *Ваклинов С.* Формиране на старобългарската култура. VI–XI век. — София, 1977.
64. *Brandes W.* Die byzantinische Stadt in Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert — ein Forschungsbericht//Klio. — 1988. — Bd. 70.
65. *Brandes W.* Die Städte Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert. — Berlin, 1989.
66. *Антонова И. А.* Западный фланг обороны Херсонеса//Сообщения Херсонесского музея. — 1963. — Вып. 3.
67. *Антонова И. А.* Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху//АДСВ. — 1971. — Вып. 7.
68. *Антонова И. А.* XIV оборонительная башня (К вопросу о хронологии оборонительного строительства)//Херсонес Таврический. Ремесло и культура. — К., 1974.

69. Антонова И. А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе//АДСВ. — 1976. — Вып. 13.
70. Антонова И. А. Протейхизма в системе оборонительных сооружений Херсонеса //Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888 — 1988 гг. Тезисы докладов. — Севастополь, 1988.
71. Антонова И. А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен)//АДСВ: Византия и сопредельный мир. — Свердловск, 1990.
72. Антонова И. А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки//Херсонесский сборник. — 1996. — Вып. 7.
73. Антонова И. А. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989–1993 гг.)//Херсонесский сборник. — 1997. — Вып. 8.
74. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма: Автореф. дис. ... докт. ист. наук/ИИМК РАН. — СПб., 1998.
75. Ruggieri V. Byzantine Religious Architecture (582–867): Its History and Structural Elements. — Roma, 1991.
76. Якобсон А. Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Византия. Греция. Южнославянские страны. Русь — Закавказье. — Л., 1987.
77. Wharton A. J. Art of Empire. Painting and Architecture of the Byzantine Periphery. A Comparative Study of Four Provinces. — University Park; London, 1988.
78. Grabar A. L'iconoclasme byzantin. 2 ed. — Paris, 1984.
79. Везнер Г. К. Византийский храм как образ мира//ВВ. — 1986. — Т. 47.
80. Mouzakis S. E Ekklesiastike architektonike sta byzantina dodekanesa, 4os–arches 14 ou ai//Byzantinos Domos. — Athenai, 1987. — Т. 1.
81. Kazhdan A. A Note on the «Middle-Byzantine» Ambo//Byzantion. — 1987. — Т. 57.
82. Thierry N. Essai de definition d'un atelier de sculpture du Haut Mozen Age en Gogarene//Etudes geogr. et coucas. — 1985. — Vol. 1.
83. Панченко Б. А. Рельефы из базилики Студия в Константинополе//Известия Русского археологического института в Константинополе. — 1912. — Т. 16.
84. Лихачева В. Д. Искусство Византии IV–XV вв. 2-е изд. — Л., 1986.
85. Lafontaine-Dosogne J. Pour une problematique de la peinture d'eglise a l'epoque iconoclaste//DOP. — 1987. — № 41.
86. Домбровский О. И. О некоторых итогах изучения мозаик средневекового Херсонеса//Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Тезисы докладов. — Севастополь, 1988.
87. Лазарев Н. В. Византийская живопись. — М., 1971.
88. Щапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории. — М., 1998.
89. Романчук А. И., Шандровская В. С. Введение в византийскую археологию и сфрагистику. — Екатеринбург, 1995.
90. Блаватский В. Д. Античная полевая археология. — М., 1972.
91. Монеувасийская хроника//Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.)/Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. — М., 1995.
92. Scharanis P. Studies on the Demography of the Byzantine Empire. — London, 1972.
93. Беляев Д. Ф. BYZANTINA. — СПб., 1891. — Кн. 2.
94. Treadgold W. R. The Byzantine State Finance in the Eight and Ninth Centuries. — New York, 1982.
95. Брунов Н. И. Архитектура Константинополя IX–XII вв./ВВ. — 1949. — Т. 2 (27).
96. Кауфман С. А. [Рец.]//ВВ. — 1964. — Т. 25 (Khachatrian A. Les Baptisteres paleochretiens (Plans, notices et bibliographie). — Paris, 1962).
97. *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano*/Ed. H. Delehaye. Acta Sanctorum. Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris. — Bruxelles, 1902.

98. *Vita Athanasiae Aegineticae* (vers. lat.)//Acta Sanctorum Augustus. T. III. — Bruxellis, 1752.
99. *Carras L.* The Life of St. Athanasia of Aegina/A critical ed. with introduction //Maistor Classical, Byzantine and Renaissance Studies for R. Browning/Ed. A. Moffatt. — Canberra, 1984.
100. *Погодин П. Д., Вульф О. Ф.* Никомидия. Историко-археологический очерк//Известия Русского археологического института в Константинополе. — 1987. — Т. 2.
101. *Безобразов П. В.* Трапезунт, его святыни и древности. — Пг., 1916.
102. *Брун Ф.* Материалы по истории Сугдеи//Брун Ф. Черноморье. — Одесса, 1880. — Ч. 2.
103. *Макарова Т. И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи//МАИЭТ. — 1998. — Вып. 6.
104. *Бруно Н.* Памятники ранневизантийской архитектуры в Керчи//ВВ. — 1928. — Т. 25.
105. *Курбатов Г. А., Лебедева Г. Е.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму//Город и государство в древних обществах. — Л., 1982.
106. *Oikonomides N.* The Social Structure of the Byzantine Countryside in the First Half of the Xth Century//Symmeikta Athena. — 1996. — Т. 10
107. *Сазанов А. В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис. ... докт. ист. наук/МГУ. — М., 1999.
108. *Романчук А. И., Щеглов А. Н.* Проблема культурного слоя в византийской археологии//ВВ. — 1998. — Т. 55 (80). — Ч. 2.
109. *Vann R. L.* Some observations on byzantine harbors in Isauria//ВВ. — 1998. — Т. 55 (80). — Ч. 2.
110. *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.
111. Житие и мученичество святого мученика Константи-грузина, который был замучен царем вавилонян Джафаром: Пер. с древнегруз., исслед. и коммент. Н. З. Вачнадзе, К. К. Куция. — Тбилиси, 1978.
112. *Беляев Л. А.* Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. — М., 1998.
113. *Karwiese S.* Die Marienkirche in Ephesos. Erste vorlaufiger Grabungsbericht 1984–1986. — Wien, 1989.
114. *Foss C.* Ephesos after Antiquity. A Late Antiquite, Byzantine and Turkish City. — Cambridge, 1979.
115. *Foss C.* Archaeology and the «Twenty Cities» of Byzantine Asia//American Journal of Archaeology. — 1977. — Vol. 81.
116. *Домбровский О. И.* Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей//Сообщения Херсонесского музея. — 1963. — Вып. 3.
117. *Хрушкова Л. Г.* Архитектурные связи Восточного Причерноморья в раннехристианское время//ВВ. — 1991. — Т. 52.
118. *Ретников Н. И.* Партенитская базилика//Известия имп. Археологической комиссии. — 1909. — Вып. 32.
119. *Megaw A. H. S.* Byzantine Architecture and Decoration in Cyprus: Metropolitan or Provincial//DOP. — 1974. — № 28.
120. *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. — London, 1965.
121. *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. — Л., 1983.
122. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес//МИА. — 1959. — № 63.
123. *Указ Юстиниана II о царском дарении в пользу храма св. Димитрия в Фессалонике* //Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.)/Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. — М., 1995.

124. *Nikephoros* Patriarch of Constantinople. Short History. Text, transl. and comment. by C. Mango. — Washington, 1990.
125. *Зубарь В. М.* Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма//Херсонесский сборник. — 1999. — Вып. 10.
126. *Сорочан С. Б.* О положении Церкви в Крыму в VIII–IX вв.//Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 2001. — Вып. 2.
127. *Баршић Ф.* Чуда Димитрија Солунског као историски извор. — Београд, 1953.
128. *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Demetrius et le penetration des Slaves dans les Balkans. T. 2: Commentaire. — Paris, 1981.
129. *Sotiriou L. M.* E basilike tou agiou Demetriou Thessalonikes. — Athena, 1952.
130. *Spieser J. M.* Inventaire en vue d'un recueil des inscriptions historiques de Byzance //ТМ. — 1973. — Т. 5.
131. *Соломоник Э. И.* Новые греческие лапидарные надписи из средневекового Крыма //Византийская Таврика. — К., 1991.
132. *Чудеса св. Димитрия Солунского*//Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.)/Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. — М., 1995.
133. *Васильевский В. Г.* Житие Стефана Сурожского//ЖМНП. — 1889. — Ч. 263. — № 5-6.
134. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. — К., 1990.
135. *Scharanis P.* Observations on the Demography of the Byzantine Empire//Thirteenth International Congres of Byzantine Studies: Main Papers. — Oxford, 1986.
136. *Прокопий* из Кесарии. Война с готами. — М., 1950.
137. *Блаватский В.* Раскопки в Фанагории в 1940 г.//ВДИ. — 1941. — № 1.
138. *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. — М., 1980.
139. *Долгоруков В. С.* Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. //КСИА. — 1975. — № 143.
140. *Башикиров А. С.* Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг.//Уч. зап. Ярославского пед. ин-та. — 1957. — Вып. 22 (32).
141. *Гидло А. В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье. VIII–X вв.//Вестник Ленинград. гос. ун-та. — 1968. — Т. 14. — Вып. 3.
142. *Якобсон А. А.* Средневековый Крым. — М.; Л., 1964.
143. *Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепях в 1962 г.//КСИА. — 1965. — Вып. 103.
144. *Паромов Я. М.* Археолого-топографический план Патрея//Боспорский сборник. — М., 1993. — Вып. 3.
145. *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. — СПб., 1896.
146. *Город* в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. — М., 1999.
147. *Choisy A.* L'art de batir cher les byzanins. — Paris, 1883.
148. *Зубов В. П.* Византийский архитектор (по данным литературных источников) //Зубов В. П. Труды по истории и теории архитектуры. — М.: Искусствознание, 2000.
149. *Ousterhout R.* Master Bilders of Byzantium. — Princeton, N. J., 1999.
150. *Zanini E.* Introduzione all'archeologia byzantina. — Roma, 1994.
151. *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. — Харьков, 2001.
152. *Rouechе С. М.* Text and Stones: Reading the Past at Aphrodisias in Caria//Greek Archaeology without Frontiers. — Athens, 2002.
153. *Айбабин А. И.* Могилиники VIII–начала X вв. в Крыму//МАИЭТ. — 1993. — Вып. 3.

154. *Отчет* о раскопках в Херсонесе (главная площадь, «базилика в базилике», у западных стен, на северном берегу, за южной оборонительной стеной, в Стрелецкой и Казачьей бухте). 1888–1890 годы//Архив НЗХТ. — Д. № 1.
155. *Отчет* за 1905 год//Архив НЗХТ. — Д. № 14.
156. *Косцюшко-Валожинич К. К.* Раскопки в Херсонесе в 1891 г.//Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. — М., 1897. — Т. 5.
157. *Отчет* за 1907 год//Архив НЗХТ. — Д. № 16.
158. *Латышев В.* Эпиграфические новости из южной России (Находки 1907 года) //ИАК. — 1908. — Вып. 27.
159. *Юргевич В.* Эллинские и латинские надписи, найденные в Херсонисе//ЗООИД. — 1879. — Т. 11.
160. *Журавлев Д. В.* Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху//Bosporian City of Nymphaion. New Materials and Recent Studies in Problems of Ancient History of Greek Cities in the North Pontic Area. International Scientific Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Nymphaion Archaeological Expedition and the 70th Anniversary of Nonna L. Gratch. — St. Petersburg, 1999.
161. *Юголев Д. А.* Города и крепости Византии в VII–первой половине IX в.: эволюция и функции: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук/Тюменский государственный университет. — Тюмень, 2002.
162. *Житие* Иоанна Гутского//Труды В. Г. Васильевского. — СПб., 1912. — Т. 2. — Вып. 2.
163. *Kbatchatrian A.* Les baptisteries paleochretiens. — Paris, 1962.
164. *Архимандрит Антонин.* Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синакасе//ЗООИД. — 1863. — Т. 5.
165. *Ruggieri V.* L'architettura religiosa nell'Imperio Byzantino (fine VI–IX secolo). — Messina, 1996.
166. *Mathews Th. F.* The Early Churches of Constantinople. Architecture and Liturgy. — London, 1971.
167. *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. VI — IX вв. — М., 1996.
168. *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. — Х., 2000.
169. *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000.
170. *Feissel D.* Recueil des Inscriptions chretiennes de Macedoine du IIIe au VIe s. — Paris, 1983.

Summary

S. Sorochan. On Civil Engineering as an Index of Development of Early Mediaeval Byzantium

The condition and the degree of specialization of civil engineering of Early Mediaeval Byzantium are evaluated in the article. The author comes to the conclusion that the assertion about the discontinuance of construction in Byzantine cities in «the Dark Ages» is not correct and is unduly exaggerated by some researchers. Even if the certain decrease in building activity was connected with the production of building materials that took place at this time, it was not a significant, universal circumstance and the main thing is that it has not become irreversible.

